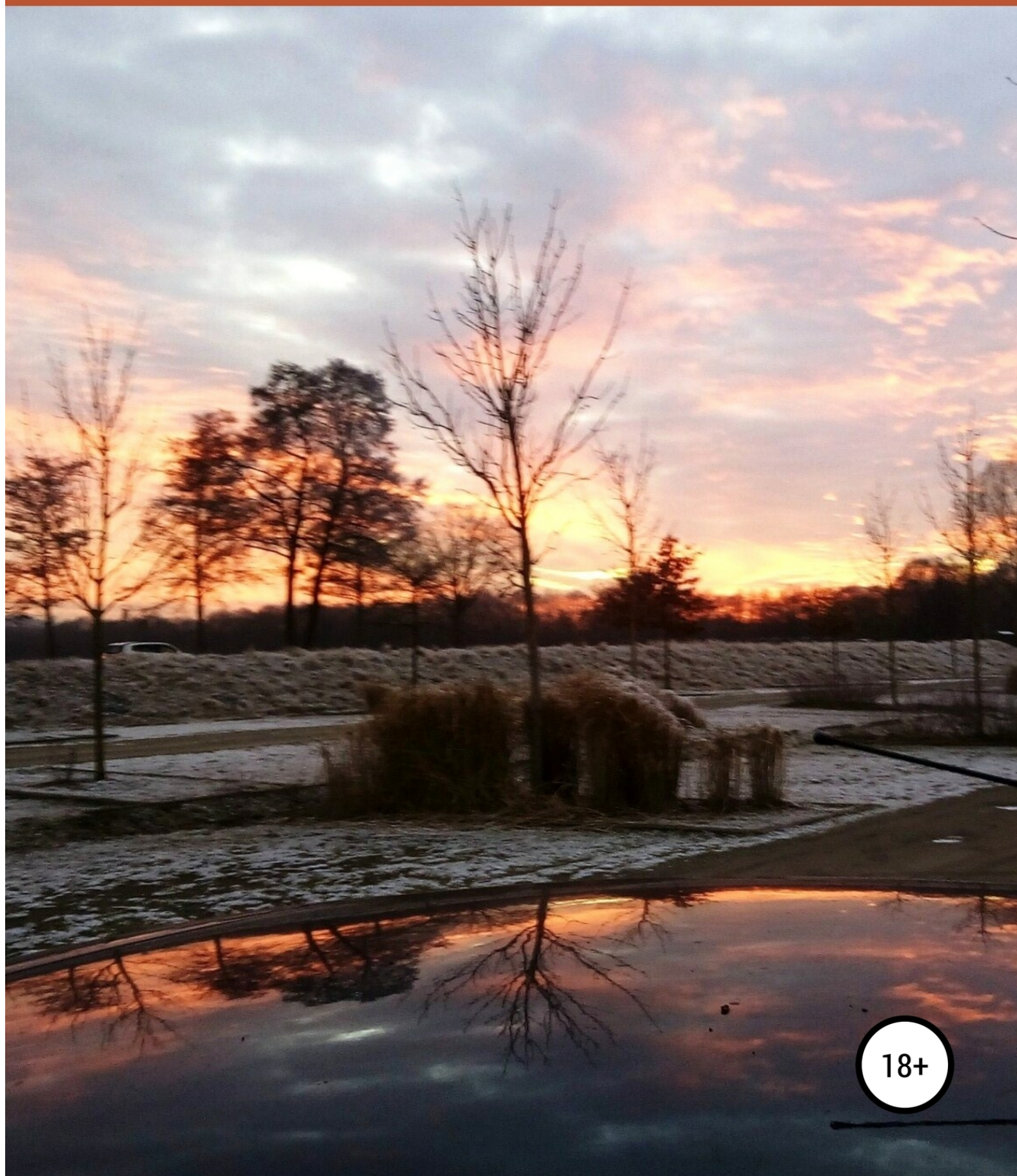

Елена Алергант

Записки из дома для престарелых

18+

Елена Алергант

Записки из дома для престарелых

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Алергант Е.

Записки из дома для престарелых / Е. Алергант — «ЛитРес: Самиздат», 2015

В этой книге рассказывается о судьбах людей, которые по той, или иной причине оказались в доме для престарелых. О возрасте, который принято называть третьей молодостью. И начинается она с эпитафия: «... мы думаем, это – конец жизни, а это всего лишь новая сцена, на которой жизнь продолжается». Репертуар пьес, разыгрываемых на этой сцене, очень разнообразен: драмы, романтические встречи и одноактные водевили. Третья молодость – это возраст, когда дневник, хочется начинать со слова «последний». Последний бокал вина, последняя, осознанно прожитая осень, последняя любовь, которая ярче и надёжнее первой, потому как времени на разочарование не отпущено. Третья молодость – это отрезок пути, на котором над человеком перестаёт довлеть слово «надо», уступая место волшебным «хочу», или «не хочу». Истории, собранные в этой книге, основаны на двадцатилетнем опыте работы автора в доме для престарелых в Германии.

Мы думаем, это конец жизни, а это всего лишь новая сцена, на которой жизнь продолжается.

Поэт, Королева и госпожа Мопс

Каждая комната имеет своё лицо, потому что живёт в ней не просто человек, а свойственный ему одному мир, его настоящее, перемешанное с далёким прошлым. Мне до сих пор трудно смириться с круговращением приходов и уходов. Каждый новый пациент – это рождение и смерть. Знакомство, сближение, взаимопонимание... Я медленно привыкаю к людям, но постепенно их лица, голоса, привычки, радости и страдания становятся частью моей жизни. А потом они уходят, оставляя после себя пустоту, которую со временем заполняют другие. Но и новые, пройдя со мной небольшой отрезок пути, становятся прошлым. «Моя работа – это история встреч и расставаний», размышляла я, прибирая опустевшую позавчера комнату.

Новая пациентка приехала в сопровождении полноватого, преувеличенно вежливого, пожилого мужчины. Крупная, статная, с породистым лицом и обворожительной улыбкой, обнажавшей изрядно поредевшие, но всё ещё натуральные зубы. Спутник проводил её в комнату, заботливо усадил на стул и протянул мне сумку с вещами:

– Вас не затруднит развесить это в шкафу? Я в женской одежде не разбираюсь. Собрал тут кое-что поприличней.

Женщина, по-королевски выпрямившись на стуле, снисходительно разглядывала свежескрашенные стены, тюлевые занавески и горшки с геранью, пышно цветущей на соседском балконе. Седые, давно не мытые и не стриженные волосы новой пациентки липкими прядями свисали на желтовато-серые щёки. Руки терпеливо покоились на коленях, в то время как ногти, подобно сторожевым псам, готовым в любую секунду вступить за повелительницу, угрожающе топорщили свои почерневшие от грязи, острые обломки. Так выглядели в старых фильмах спившиеся актёры, прежде игравшие на провинциальной сцене королевских особ. Именно поэтому я в первый же день мысленно произвела вновь прибывшую в Королевы.

Меня так и подмывало спросить: «Ваше величество, в каком подземелье и за какие грехи прятали Вас столько десятилетий?» Но разве принято задавать подобные вопросы тем, кому посчастливилось вернуться из изгнания?

Спутник, неловко потоптавшись на месте, начал прощаться:

– Ну, Гертруда, я пойду потихонечку. Если что надо, звони. Заеду дня через два снова.

– А я? Мне тоже пора?

– Ты останешься здесь. Ведь мы обо всём договорились.

Вопреки моим ожиданиям, Гертруда, не вдаваясь в дискуссии, подарила мужчине снисходительную улыбку и милостивым наклоном головы позволила удалиться.

Я потянула за молнию дорожной сумки, и она, неохотно распахнув пасть,дохнула на меня плесенью, пылью и тленом. Неужели это и есть то лучшее, что удалось сохранить в изгнании? Переложив «сокровища» в полиэтиленовый мешок, тут же отправив их в стирку, и пригласила Гертруду к обеду.

Как примут её наши дамы? Ухоженные, с завитыми, подкрашенными кудельками, обвешанные разноцветной бижутерией, искусно подобранной к цвету блузок и джемперов, они чинно восседали за накрытым столом в ожидании салатов и дымящихся омлетов.

Я представила им Королеву, предложив ей занять место, освободившееся всего неделю назад. Критические взгляды, презрительное перешёптывание и передёргивание капризных носов говорило само за себя: новенькая проиграла партию в первом же раунде.

Ох уж эти дамы! Они давно забыли свой первый день. Каждая была такой же запущенной, растерянной, с отчаянием, сочившимся из перепуганных глаз. Многим приходится до сих пор бороться за место под солнцем, подчиняясь местному табелю о рангах и этикету.

Да, это общество ничем не отличается от любого другого, состоящего из привилегированных патрициев, народа, обязанного всегда говорить только «да», и бунтарей, держащихся отдельной кучкой и живущих по своим собственным правилам.

Оформляя обязательные бумаги, я с наслаждением представляла завтрашний реванш: намытая до блеска, причёсанная, завитая, наряженная в туалеты из «золотого запаса», Королева торжественно займёт полагающееся ей место не только за обеденным столом, но и в жёсткой иерархии местного «высшего света».

Утром, преисполненная энтузиазмом и добрыми намерениями, переступаю порог гертрудиной опочивальни:

– С добрым утром! Как спалось на новом месте?

Скрестив под одеялом длинные, тощие ноги, она величественно возлежит на спине и приветливо улыбается:

Спасибо. Хорошо.

Радуюсь первому успеху. Кажется, контакт установлен. Можно двигаться дальше.

– Вот и замечательно. Пора вставать.

– А зачем?

– Я помогу Вам помыться, одеться и провожу к завтраку. Кофе и свежие булочки уже стоят на столе. Согласны?

– Согласна.

– Тогда вставайте.

– Да, конечно. Но не сейчас.

– А когда?

– Минут через двадцать.

Посмотрев на часы, покидаю комнату. Придётся менять и без того напряжённый график и возвращаться сюда минут через двадцать. Полчаса спустя опять стучусь в закрытую дверь:

– Пора вставать и идти к завтраку.

– Конечно... но не сейчас. Минут через двадцать.

В этот день я посещала покои Её Величества раз десять, каждый раз получая в награду чарующую улыбку и предложение вернуться через двадцать минут. Реванш не состоялся ни завтра, ни послезавтра. Целую неделю, соревнуясь в вежливости, граничащей с подхалимажем, мы по-очереди пытались выманить Гертруду с пропахшего невымытым телом и неминуемыми человеческими экскрементами ложа, получая в ответ дежурное, всем до оскомины надоевшее согласие: «Конечно... но не сейчас... Минут через двадцать».

Казалось, Королева, когда-то смирившаяся с заточением, целенаправленно превращала новую комнату в ставшую родной и близкой тюремную камеру.

Неделю спустя, потеряв терпение, я решительно набрала телефонный номер, написанный на клочке бумаги спутником Королевы. Через два часа он уже сидел в моём кабинете и рассказывал захватывающую историю её жизни.

Принцесса на горошине.

Гертруда была единственной дочерью потомственного аристократа, дослужившегося при новом правительстве до генеральского чина. Девушке предстояло блистать в высшем обществе. В арсенале её боевого оружия значились не только величественная красота, но и блестяще воспитание: принцесса почти профессионально играла на рояле, пела и свободно говорила на трёх иностранных языках. Претендентов на руку, сердце и титул гордой красавицы было

предостаточно, но... то ли она ждала своего принца, то ли отец не спешил с новым родством. Гертруда уже «засиживалась» в девицах.

Она успела отпраздновать четверть века, когда началась война со всеми вытекающими из неё последствиями: Нюрнбергский процесс, конфискация имущества, бесчестие и... нехватка мужчин.

Но похоже, в последний момент судьба сжалилась над опальной принцессой и ниспослала ей жениха – пережившего русский плен немолодого майора. Когда-то она даже не посмотрела бы в его сторону: длинный, тощий крестьянин с грубыми чертами лица и дурными манерами. Единственным аргументом в его пользу был уцелевший за годы войны клочок земли и не утраченные крестьянские навыки, обещавшие спасти от неминуемого голода молодую жену и её овдовевшую мать. Так началась вторая глава жизни Гертруды, затянувшаяся почти на двадцать пять лет.

Барышня – крестьянка.

Отставной майор, сохранивший со времён войны прекрасно поставленный, командирский голос, занялся муштровкой жены и тещи. Тонким пальцам принцессы, перебиравшим когда-то покрытые слоновой костью чёрно-белые клавиши концертного рояля, предстояло во второй главе перебирать тугие соски коров и коз, выжимая из них упругие струи тёплого,пряно пахнущего молока. Муж не тратил время на ненужные объяснения. Короткие, чёткие команды: «Пойти и сделать! Без возражений!» на многие годы стали неотвратимой реальностью неудавшейся аристократической жизни.

Послевоенная Германия постепенно вставала на ноги. У людей появились деньги и повышенный интерес к свежим продуктам. К первому клочку земли присоединился второй, а потом четвёртый и пятый. К ним добавился просторный дом с балконом, двумя ванными комнатами и домашней прислугой, но растущее благосостояние не освобождало хозяев от непосредственного участия в крестьянском труде. Гертруда, давно отвыкшая от деликатесов родительского дома, научилась готовить простые, сытные блюда, взбивать масло и консервировать огурцы. Муж, давно набравший утраченные в русском плену килограммы, превратился в грузного, грубоватого владельца прибыльного фермерского хозяйства.

Оказалось мужчина, доставивший опальную королеву в дом престарелых, был ей не племянником, а соседом. Его родители, не менее удачливые землевладельцы, дружили с семейством отставного майора, а мальчик с удовольствием забегал к бездетной соседке, обучавшей его английскому языку и игре на рояле.

Жизнь плавно катилась по основательно проложенным рельсам, но вдруг... кто бы мог подумать... Майор, собиравшийся дожить до ста лет, в одночасье переходит в иной мир. Гертруда остаётся не просто вдовой, но очень богатой вдовой. С этого момента начинается третья глава её жизни.

Весёлая вдова

С юности у неё сохранилась единственная подруга, которая (надо же, какая удача)

к этому времени тоже успела благополучно овдоветь. Обе дамы вошли в тот замечательный возраст, когда лица ещё сохраняют остатки былой свежести, фигуры – остатки былой стройности, а общество уже не требует ни пуританства, ни бережливого отношения к «девичьей чести».

Утром, часов после одиннадцати, дамы созванивались в первый раз, долго решая сложнейшую проблему: где они завтракают сегодня и с чего начнут – с шампанского или с красного вина. Завтрак затягивался до обеда, плавно перетекая в вечернюю программу, стартующую в

театре, а финиширующую в казино. Ни отца генерала, ни мужа майора, ни коров, ни маринованных огурцов! Почти десять лет упоительной свободы и нескончаемых удовольствий!

К сожалению, всему хорошему рано или поздно приходит конец: подруга зачем-то последовала за своим мужем, повторно оставив Гертруду безутешной вдовой. Та сделала несколько попыток прилепиться к каким-то дальним родственницам, но пожилые дамы предпочитали в первую половину дня протирать от пыли полированные буфеты, а во вторую баловаться пирогами собственного изготовления. Шампанское вызывало у них изжогу, а красное вино расстройство желудка.

Разочарованная, потерявшая интерес к жизни Гертруда, заперлась в своих четырёх стенах, решительно порвав все контакты с внешним миром. Сын бывших соседей, давно переехавший в другой город, нашёл её пару недель назад в весьма плачевном состоянии: осунувшаяся, запущенная женщина ютилась на задвинутой в угол, грязной кровати в комнате, заваленной десятками пустых бутылок из под шампанского и ликёров. Спешно оформив документы на переезд в дом престарелых, он открыл последнюю страницу жизни обездоленной королевы.

Аккуратно записывая эту историю, я задала только два вопроса:

– А Вы видели её приятельницу?

– Да. Пару раз, когда приезжал в Ганновер. Они приглашали меня на ужин, а потом в театр.

– И кто же из дам в этой упряжке был ведущей?

Задумавшись на пару секунд, племянник безошибочно поставил диагноз:

– Приятельница была очень активной, энергичной женщиной. Безусловно ведущей была она.

Вот всё и разрешилось. Королева прожила всю жизнь не в заточении, а в подчинении. Отец – генерал, муж – майор, энергичная, властная подруга... А я требую от пожилой дамы самостоятельных решений. Придётся менять стратегию.

Утром следующего дня, наскоро покончив с обычными приветствиями, перешла к запланированной атаке: спокойное, не терпящее возражений лицо, командный голос и внутренняя убеждённость в непременном успехе.

– А теперь встаньте с постели и... в туалет.

Чувства на лице Гертруды замелькали кадрами немого кино. Удивление, протест, безысходная покорность и... облегчение. Навсегда покинувшее её прошлое вернулось снова. Появился кто-то, готовый давать команды и принимать за неё решения. Тонкие пальцы решительно откинули край одеяла, и две тощие, обтянутые сморщившейся, пересохшей кожей ноги медленно потянулись к стоптанным домашним тапочкам.

Более получаса я лила ароматные шампуни и гели на слипшиеся от грязи волосы и кожу, впитавшую запахи многолетнего запустения и гнили. Одиночество, что ты сделало с когда-то красивой женщиной?

Через час Королева, поправив и без того идеальную причёску, решительно покинула свои апартаменты, готовясь предстать перед ликующим, празднующем её возвращение народом. Но народ почему-то не ликовал. Намётанный женский глаз тут же приметил и неуклюже свисающее с похудевших плеч платье, и стоптанные каблукы покосившихся туфель, и скромный крепдешиновый платочек, прикрывающий старую, морщинистую шею. Ревнивые народные губы искривились в ироничных усмешках.

Гертруда скромно присела к накрытому столу, пожелала всем приятного аппетита и положила себе на тарелку румяную, свежеспечённую булочку. Я заняла удобную позицию напротив своей подопечной, делая вид, будто занята важными делами. Одному подливала кофе, другому передавала молочник или вазочку с мармеладом, третьему помогала намазывать булочку, наблюдая боковым зрением за той, от кого зависел исход дебюта. За всесильной Хильдой, которую про себя называла госпожой Мопс.

На самом деле её лицо походило на старого, утомлённого жизнью бульдога. Приплюснутый нос, обвислые, дряблые щёки, потянув за собой углы влажного рта, превратили его в расплывчатый полумесяц. Крупные, идеально круглые, чёрные глаза, доводили портрет до карикатурного сходства: лицо богатое не мимикой, но выразительными, «говорящими» глазами. Появление за столом Гертруды зажгло в них настоящий охотничий азарт. Бульдог встал на охрану своей территории.

Гертруда аккуратно разделила будочку на две половинки, намазала их тоненьким слоем масла и, не спеша изучив богато накрытый стол, остановила выбор на ломтике сервелата, аппетитно поблёскивавшего крошечными, розоватыми звёздочками сала. Потянулась к блюду и нанизала ломтик на вилку. Нависшее над столом молчание взорвалось возмущённым возгласом Хильды Мопс:

– Похоже эта дама не обучена хорошим манерам! Занята только собой. Я как раз собиралась взять этот кусок колбасы.

Я чуть не подавилась возмущением. Эта хитрая лгунья – убеждённая вегетарианка, признающая к завтраку только абрикосовое варенье.

Ломтик сервелата, трепеща полупрозрачными крылышками, повис над столом. По бледно-голубому экрану, лицу Гертруды, стремительно сменяя друг друга, помчалась кадры противоречивых чувств: удивление, испуг, возмущение... Краем глаза я следила за Мопсом – вегетарианцем. Она, прошував лица преданных ей вассалов, осталась довольна первой боевой вылазкой.

Боже! Как трудно оставаться немым свидетелем человеческого властолюбия! Но я не воспитатель в детском саду. За столом сидят пожилые люди, прожившие долгую, непростую жизнь, и они давно научились лавировать и выживать в этом непростом мире. Пусть используют свойственные им методы обороны.

Рука Гертруды замерла в нерешительности. Пара бесконечно долгих секунд... губы, сжавшиеся в упрямую полоску... едва заметное движение правым плечом... и тёмно-бордовая сервелатовая бабочка совершила плавную посадку на приготовленную для неё площадку.

Госпожа Мопс, до этого дня не потерпевшая в застольных боях ни единого поражения, сложив руки на животе, вынесла промежуточный вердикт:

– Сейчас мы с вами смогли убедиться, что дама обладает завидным аппетитом. Посмотрим, работает ли ей голова так же хорошо, как челюсти.

В ответ подданные услужливо захихикали. Бедная Королева, хрустя подрумяненной булочкой, даже не подозревала, что ей в лицо брошена перчатка; вызов на дуэль со смертельным исходом. Ей предстояло защищать свою честь на занятиях по тренировке памяти и остатков интеллекта, проводимых у нас два раза в неделю. Хильда была на этих занятиях, которые я мысленно прозвала «Поле чудес», бессменным победителем. Фотографическая память, не затронутая ни инсультом, ни временем, хранила в идеальном порядке имена всех известных актёров, писателей, спортсменов и политических деятелей. Она без промедления называла столицы всех существующих на земле государств, названия рек, озёр, морей и королей красоты, занявших призовые места в последние десять лет.

Эта, сидящая в инвалидной коляске энциклопедия, ежедневно читала газеты, смотрела научные репортажи и новости культуры. Вряд ли Гертруда сможет сравниться с ней в этом поединке. Крестьянский труд, казино и безудержный алкоголизм последних лет изрядно изрешетили её далеко не девичью память.

Злилась ли я в этот момент на зловердного Мопса, вальяжно развалившегося за столом? И да, и нет. Нет, потому что на самом деле нас связывали многолетняя дружба и взаимное уважение.

Хильда умно и с юмором рассказывала о своём прошлом:

– «Красавицей, сами видите, никогда не была», – говорила госпожа Мопс, указывая рукой на старую фотографию. Барышню, позирующую профессиональному фотографу, и в самом деле трудно было признать красивой. Она, состоявшая из шаров разной величины, походила на снеговика, слепленного умелой детской рукой. Даже волосы, собранные в замысловатую причёску, казались отдельным, завершающим картину, объёмом. Да и лицо смотрелось не лучше. Крепкие, растопыренные щёки, тяжёлый подбородок и короткий, приплюснутый нос. Только глаза, большие и круглые, излучали вековую мудрость и вселенскую печаль оставшейся в одиночестве молодой женщины.

– А замужем так и не побывала. До войны не успела, а потом... сами знаете. К одному жениху очередь из пятнадцати невест выстраивалась. Куда уж мне с моей внешностью. Даже в очередь не становилась.

– Так и прожили всю жизнь одна?

– «Почему же одна?», – возмущалась Хильда, – «Мужа не было, а дети были».

Я внутренне просияла: слава богу, хоть чуть-чуть, но всё же отвела женского счастья.

– А сколько же их было?

– Ой много. Сейчас и не пересчитать. Я ведь сорок лет учительницей начальных классов проработала. С первого по четвёртый. Вот они, мои сорок лет, все на стене висят. Ровно десять выпусков, и все мои.

– А не тяжело было?

Нет. Очень интересно. Дети такие разные. В послевоенные годы из благополучных семей почти не было. Всё больше от вдов или матерей одиночек. Невоспитанные, неухоженные и плохо развитые. Что я с ними только ни делала! В походы ходила, в театры, в кино, по музеям таскала. Даже на байдарках плавала. А на уроках по три шкуры сдирала, что бы учились хорошо. И не только с них. Мамашам их тоже приходилось частенько мозги вправлять.

Глаза Хильды заблестели азартом, а искривлённый хроническим артритом указательный палец уткнулся в пространство между землёй и небом.

– А матерей за что ругали? Им и без Вас не сладко жилось. Легко ли целыми днями на работе убиваться, а потом ещё по хозяйству вахту держать?

– А за то ругала, что ребёнка не только кормить надо, но иногда и приласкать не грех. Дикими дети росли, недолюбленными. А результатом до сих пор горжусь. У меня девяносто процентов выпускников в гимназию поступали, а это не шутка.

Я рассматривала старые фотографии, худенькие, детские, послевоенные лица и верила, что все они со временем стали хорошими людьми. Рассказы о прошлом сродни охотничьим рассказам. В них мы всегда выступаем успешными, блестящими специалистами своего дела, но Хильде я верила. Она излучала такую пассионарность, такую спокойную уверенность в себе, что не оставалось ни малейших сомнений в её даре воздействовать на людей. Даже я, с годами уставшая от бесед и общений, не могла устоять перед её вопросами.

«Как Ваш сын написал вчера контрольную, получили ли удовольствие от балета, дочитали ли книгу, о которой рассказывали на прошлой неделе?»

Она вслушивалась в ответы не перебивая. Уточняла интересующие её подробности и, делая собственные умозаключения, давала неназойливые советы.

– Встретились вчера со своей приятельницей? Удалось поговорить? Действительно стоило на неё обижаться? Вот и правильно. Это в первой половине жизни можно друзьями разбрасываться, а во второй их беречь нужно. Старые уходят, а новые уже не появляются. И остаёшься со временем одиноким, засохшим баобабом у чужой дороги.

Круглые, подёрнутые печалью глаза Хильды, всматриваясь в далёкое прошлое, пытались распознать контуры ушедших в небытие друзей.

– Мы всё за жизнь цепляемся. Хотим как можно дольше протянуть, а зря. Лучше уйти одним из первых. Пусть лучше другие по тебе грустят, чем годами с тоской смотреть на умолкший телефон.

Я тёрла мочалкой крепкую Хильдину спину и пыталась представить лицо того или той, кто уже никогда не позвонит и не поздравит её ни с днём рожденья, ни с рождеством. А ещё удивлялась привередливости природы, сохраняющей до глубокой старости наши, скрытые от постороннего взгляда спины, глянцевым и упругими, превращая выставленные напоказ щеки в сморщившиеся, печёные яблоки.

– Вот, вот. Потрите посильней справа, под лопаткой. Ой как хорошо. Аж дух захватывает. А у Вас есть кто-нибудь, кто бы спинку иногда потёр? Это правильно... Знаете, чем отличаются одинокие женщины от не одиноких? У них постоянно нетёртые спины чешутся.

Я, подхватывая брошенный мяч, ехидно спрашивала:

– А у Вас почему спина так отполирована, если, как утверждали, замужем никогда не были?

– Что замужем не была, говорила, а о «спинке» ... разговору не было.

Знаю. Пока не было, но наступит момент, когда тоска по прошлому прорвёт и эту плотину молчания. Но сегодня мне не до «спинки». Голова занята судьбой Королевы.

– Скажите, зачем вчера за столом на новенькую накинулись?

– А как ещё на неё реагировать? Новеньких нужно с самого начала к порядку приучать.

– У Вас тут как в армии. Дедовщина какая-то.

– А Вы как думаете. Воспитанный человек, приходя в незнакомое общество, должен сперва порядками, обычаями, в конце концов ритуалами поинтересоваться, а потом уж колбасу в рот запихивать. А эта... расселась, как королева.

Надо же. Тоже заметила, что Гертруда не из простонародья.

– Предлагаю мирное соглашение: на этот раз воспитанием новенькой занимаюсь я.

Госпожа Мопс аж подскочила от возмущения:

– Вы, милая моя, себя в роли воспитателя уже дискредитировали. И не только Вы, а весь коллектив. Распускаете людей, а потом бегаєте с квадратными глазами: «Катастрофа, катастрофа!» Да ладно, не обижайтесь. Профессия у вас такая. Клиент деньги платит, значит и музыку заказывает, иначе от начальства попадёт. А мне ваше начальство не указ. Я тоже деньги плачу, вот и заказываю свою музыку.

Подобные высказывания вызывали у моих коллег взрыв возмущения. Попадая в мощное поле её притяжения, они, как и я, допускали Хильду до самых потаённых уголков своих утомлённых разочарованиями душ, но за закрытой дверью называли её двуличной, неискренней подхалимкой:

– Перед вышестоящими спину крендельком гнёт, а себе подобных, как английский бульдог, при первой же возможности в клочки раздирает.

Я видела это в ином свете. Для Хильды мы были не высшим эшелонem власти, а коллегами, к которым она относилась с пониманием и уважением. Пациентам выделялась роль нерадивых школьников, которых, во что бы то ни стало, предстояло подготовить к гимназии. Как когда-то в классе, она выделяла группу способных, но ленивых. В неё входили те, кого ещё умудрялся скрывать первые признаки старческого маразма. Вторая группа, пользующаяся её особым расположением, состояла из «не очень умных», но послушных, преданных ей душой и телом соратников. А в третью Хильда записывала самых «тупых, дурно воспитанных, упрямых бездельников», объявивших целью своей жизни кромешное безобразие и разрушение порядка. На самом деле эти люди в медицинском понимании, просто успели слегка опередить остальную компанию на пути к окончательной потере разума. Именно они, и без того глубоко несчастные, были бессменной мишенью хильдиных нападков.

Гертруда пока оставалась для госпожи Мопс загадкой, разгадать которую предстояло на ринге. Я, прекратив бесполезный спор, приняла окончательное решение: на дуэль с Мопсом Королеву не выпущу.

На следующий день, незадолго до начала занятий, пригласила Гертруду на просмотр местных достопримечательностей. Она с любопытством разглядывала развешенные на стенах картины, предметы довоенного быта, купленные подшивке на блошином рынке: старые деревянные кофемолки, отделанные медными пластинками, давно пришедшие в негодность швейные машины фирмы «Зингер», толстые фаянсовые чашки и пивные кружки. Наконец мы вошли в маленький зал, где стояло старое, но ещё живое пианино. Гертруда, не спеша подошла к инструменту и осторожно приподняла крышку. Клавиши, отполированные сотнями прикосновений, обнажились ей навстречу в призывной улыбке. Королева нерешительно погладила их загрубевшими пальцами, опробовала две – три на звук, равнодушно покачала головой и, опустив крышку, повернулась к старинным фотографиям на противоположной стене:

– Надо же. Довоенный Ганновер. Хорошо помню это место. Тут, за углом, находилась моя школа. Шофёр, служивший у отца, всегда подвозил меня сюда на машине, а одноклассницы завидовали и злились. Ладно, пошли дальше.

Дальше идти было некуда. Цель путешествия, старое пианино, не вызвали у неё, к сожалению, ни малейшего интереса. Зато за обедом продолжала лютовать госпожа Мопс. На этот раз поводом для атаки стали несколько одиноких ломтиков картофеля, оставленных Гертрудой на тарелке.

– Ну, где это видано! Зачем хорошую еду в помойку выбрасывать! Неужели нельзя сперва заказать порцию поменьше, а потом, если не наелась, добавку попросить?

Королева задумчиво разглядывала картофель, успевший подёрнуться плёнкой застывшего жира. Лицо выражало смесь отвращения и растерянности. Все дамы, сидевшие за столом, с любопытством ожидали развязки. Одни из них, страшась неприятностей, предпочли бы доесть эти отвратительные кусочки, другие, яростно и визгливо, посоветовал бы Мопсу прогуляться куда подальше, а третьи, склонные к театральным представлениям, схватившись за сердце, потребовали бы нитроглицерина.

Меня окатило волной злости. Боже, как я ненавидела в этот момент обвислые щёки и приплюснутый нос Мопса. Это мелочное властолюбие, пусть даже власть, или её иллюзия, умещается в крошечном, подагрическом кулачке! всю жизнь ненавидела тех, кто, неизвестно за какие заслуги, присваивает себе исключительное право хладнокровно унижать других. Но какую стратегию предпочтёт Гертруда? Минуту поразмышляв она, так и не взглянув на обидчицу, всем корпусом развернулась ко мне:

– Милочка, Вы не могли бы предоставить мне другое место? Здесь... очень дует.

В душе я разразилась бурными аплодисментами. Вот оно, аристократическое воспитание! Вот оно, истинное чувство собственного достоинства! Гертруда даже не снизошла до объяснений, обозначив откровенное хамство простым сквозняком, приравняв гордого Бульдога к дурной погоде. Сумела бы я на её месте не растеряться и вклеить хамке такую звонкую, изысканную оплеуху?

Исполнить королевскую просьбу было не просто: все места, выделенные нам в обеденном зале, были пожизненно зарезервированы за своими владельцами. Помощь, как в сказке, пришла с той стороны, откуда её никто не ждал.

– Я не буду возражать, если дама переседет за мой стол, – возвестил скрипучий фальцет, исходивший из глубины зала. Там, за отдельным столиком у окна, восседал в глубокой инвалидной коляске господин Шиллер, единственный мужчина в нашем бабьем царстве.

Несмотря на всемирно известное имя, господин Шиллер не был поэтом. Совсем наоборот. Он был налоговым инспектором, да и то, прослужив государственной казне верой и правдой более сорока лет, сумел приподняться всего лишь на третью ступеньку карьерной лест-

ницы. Пять дней в неделю он ссыпал в бездонную государственную копилку звонкие монеты, конфискованные у робких, законопослушных бюргеров, а в выходные, вскочив с разбегу в маленький любительский самолёт, взмывал к небу. Не в заоблачное, ярко-голубое пространство, где проплывали гордые, серебристые лайнеры, а так, как на службе... всего пару ступенек над землёй, едва задевая крышей первые, полупрозрачные сгустки позолоченной солнцем ваты. И всё же... именно там, между землёй и небом, он отдыхал от ненавидящих взглядов обобранных им сограждан.

В первый день, въехав в инвалидной коляске в зал импровизированного ресторана и бегло окинув опытным взглядом принадлежащий нашему отделению стол, Шиллер, нимало не задумываясь о чувствах дам, с надеждой и любопытством взиравших на нового мужчину, скрипучим голосом бросил им в лицо первое оскорбление:

– Надеюсь, Вы не собираетесь сажать меня в этот курятник?

Многолетний опыт работы приучил меня не вспыхивать и не коптить, подобно фитилю керосиновой лампы. Но... моя холодная ирония – наилучший ответ на откровенное, умышленное хамство, так и осталась невостребованной. Одна из «благовоспитанных» дам, ни секунды не раздумывая, предпочла дипломатии боевые действия.

– Если мы – курятник, то этому старому козлу среди нас точно не место.

Одобрительный смех обитательниц курятника возвестил окончательное и бесповоротное изгнание налогового инспектора. Одной фразой он достиг того, чего ещё никому не удавалось – получил индивидуальный, двухместный столик у окна, предназначенный для приёма почётных гостей. Иными словами, обеспечил себе за завтраком кофе со свежей газетой, а за обедом суп, не приправленный ворчаньем и чавканьем болтливых соседок. Да здравствует победоносная сила хамства!

Вечером, помогая Шиллеру вылезти из штанов и носок, я позволила себе пару прямых вопросов:

– Зачем Вы сегодня так резко обошлись с пожилыми женщинами? Могли бы попросить отдельный столик никого не обижая.

– А я никого и не обижал. Просто назвал вещи своими именами.

– Кудахтающие вещи... Похоже, вы обладаете особым восприятием действительности.

– Во-первых, Вас совершенно не касается моё восприятие действительности, а во-вторых, – его голос зазвенел отвратительно и едко, – не можете осторожней? Вы сдираете носок вместе с кожей.

Дёрнувшись, нога прицельно подпрыгнула вверх. Не успей вовремя уклониться, наверняка получила бы увесистый пинок в лицо. Этот несостоявшийся пинок стал последней каплей, переполнившей бочку моего терпения. Господи! Как я устала от всех этих дрызг, претензий, капризов и упрёков. Иногда кажется, наши пациенты с упорной зловредностью мстят за свои болезни и немощь всем, кто ещё не достиг их точки распада, Мстят за то, что не успели вовремя умереть, прикорнув дома у телевизора, за то, что не нашли на блошином рынке Шагренево́й кожи, готовой принять на себя их старение. Эта злобная зависть к тем, кто родился лет на двадцать – тридцать позже. Что за глупость! Каждый из нас пройдёт в своё время положенный путь. Но сегодня я ненавижу этого негодяя, попытавшегося пнуть меня в лицо. Проклятая богом профессия, на которую я добровольно обрекла себя под конец жизни!

Дома, даже выпив целый бокал красного вина и выкурив штук пять сигарет, не могла отделаться от бушующего внутри раздражения. И виноват в этом проклятый старик, разбудивший воспоминания более чем сорокалетней давности – конфликты с разочаровавшимся в жизни отцом, сделавшим из меня когда-то козла отпущения.

Но в тот вечер с бокалом вина и пепельницей, переполненной окурками, я с возмущением думала о господине Шиллере, оттаптывавшем на мне свой рассеянный склероз, свою обречённость на полный физический и интеллектуальный распад.

Разумом понимала бессмысленность этой злости. Что можно требовать от старого антикварного комода, стремительно пожираемого стаей алчных древесных жучков. Снаружи он ещё сохраняет свои изящные пропорции и изысканную резьбу, но изъеденная сердцевина доживает последние дни. По прогнозам врачей ему остался максимум год относительно человеческой жизни, а потом... И вообще... Вряд ли он собирался меня пинать. Скорее всего сработал рефлекс потерявшей управление конечности. Но у разума есть, к сожалению, обратная сторона – чувства, вьёвшиеся в нас, как ржавчина, неподвластная времени. И сегодня я превратила налогового инспектора в козла отпущения. За накопившуюся усталость, за ранние вставания, за вызывающий отвращение запах человеческих экскрементов, за очередной больничный лист, принесённый коллегой, и за то, что напомнил о старых обидах, давно потерявших смысл и значение. Напомнил, мерзавец, именно сегодня, в очередной несостоявшийся день рождения моего отца.

До законных, с таким нетерпением ожидаемых выходных, оставалось три дня, которые решила посвятить сохранению энергии. Приходя в комнату налогового инспектора, молча и отстранённо выполняла работу по уходу за его телом, натягивала просторную, застиранную одежду, и, не проронив ни единого слова, отвозила к столу.

Зачем тратить душевные силы на тех, кто упивается злостью, вскормленной на жалости к самому себе. Шиллера моё молчание не смущало. Похоже, это была годами отработанная стратегия: хочешь, что бы посторонние оставили тебя в покое, обхами их, что бы впредь не повадно было морочить занятую мировыми проблемами голову. За эти дни я научилась относиться к нему, как к бездушному телу, нуждающемуся в уходе, в глубине души понимая, что мне отказывает профессионализм. Излучаемая им агрессия – обычный для первых дней акт самозащиты от стыда за немощность и старческую нечистоплотность, но... перед выходными я имею право быть некомпетентной, как любой, очень уставший человек.

Мои надежды на отдых рухнули под кипой больничных листов, козырными тузами лёгшими на столе у начальства. Самое страшное; на выходные в доме не осталось ни одного ведущего специалиста, а это, по законам войны, означает осадное положение и подъём по боевой тревоге. Итог был плачевный. Под напором сказок, обещаний и лести пришлось согласиться на компромисс: я выхожу на работу, но обслуживаю только своё отделение. Остальные два руководства закрывает собственными телами.

Но столь печально начавшийся день был полон сюрпризов. И самый первый преподнёс налоговый инспектор.

– А Вы что здесь делаете?

Близорукие, незащищённые очками глаза, смотрели скорее растерянно, чем враждебно.

– Разве у Вас сегодня не выходной?

– Оказалось, что нет.

– Да, я слышал краем уха. Ваши замечательные коллеги предпочли провести время в кругу семьи. Да ещё в такую дивную погоду. А Вы что, не умеете произносить волшебное слово «Нет»? Странно. Вы показались мне женщиной с характером.

Едва сдерживая раздражение под напором его провокаций, попыталась ответить как можно спокойнее:

– Я умею не только произносить «Нет», но идти, если надо, на разумные компромиссы.

– А Вы уверены, что в данном случае это было разумно?

– А Вы хотели бы, если у вас случится сердечный приступ, пролежать в этой комнате до понедельника без врача и без помощи?

– Если бы сразу умер, то хорошо, а вот понедельника полуживым дожидаться... слишком долго.

– Вот поэтому я пошла на компромисс.

– А Ваше начальство отправилось на прогулку или по магазинам?

– Моё начальство трудится этажом выше, и на третьем этаже тоже.

– Bravo! У Вас и в самом деле есть характер. Да не тратьте на меня столько времени. За два дня без мытья не заплесневею. Заставлю в понедельник Ваших отдохнувших коллег вымыть меня под душем.

Я молча взяла в руки электробритву...

– Успокойтесь. Вложите аппарат мне в руки и нажмите на кнопку. Попытаюсь побриться сам. Двумя руками. Ещё пару недель назад удавалось.

Приладив электробритву между судорожно сцепившимися вокруг неё пальцами, с сомнением и жалостью следила за неуклюже дрыгающимися движениями.

– Нечего за мной наблюдать. Картина не из приятных. Идите и работайте дальше. Вернётесь минут через пятнадцать... или когда сможете и вывезете меня в коридор. До столовой доберусь как-нибудь сам.

Закончив дела в соседней комнате, вернулась к скверно выбритому Шиллеру, вывезла его из комнаты и, оставив посередине коридора, помчалась дальше. Но, добежав до угла, не в силах сдержать любопытство, оглянулась.

О чудо! Одна из обиженных им третьего дня дам, кокетливо чирикавая, толкала коляску в направлении столовой. Извечная сила инстинкта практичных женщин – подбирать на дороге всё, что может сгодиться в хозяйстве. А тут не то, чтобы ржавый гвоздь, а одинокий мужчина, в собственном «лимузине»! Бодро перебирает ногами, щебечет и напрочь забыла, как позавчера обозвала его козлом.

Мы все смертельно боимся потери памяти, не задумываясь о привилегиях, связанных с этой потерей. А ведь это единственное надёжное средство против злопамятства. Долгосрочная память бережно охраняет ставшие антиквариатом картины прошлого, тогда как «протекающее» кратковременное хранилище спускает каждодневные мелочные обиды в канализацию небытия.

С этих несостоявшихся выходных начались наши особые отношения с господином Шиллером. Он никогда не интересовался моим прошлым, но подробно расспрашивал о «здесь и сейчас». В данный момент в его голове крутились только три темы: восприятие собственного увядания, утрата тайнства «будущего» и доживание без надежды ещё раз испытать что-нибудь «впервые». Что-нибудь, кроме смерти.

О себе прошлом говорил как скупец, презирающий безмозглого игрока, просадившего в казино случайно свалившееся на голову наследство.

– Право родиться есть случайно выпавшая удача. Жизнь даётся нам напрокат, и мы с самого начала знаем, что когда-нибудь её придётся возвращать обратно. Вы боитесь смерти?

– Работая здесь, я её постепенно постигаю. В ней нет ничего страшного. Чаще всего это освобождение от уставшего от жизни тела.

В этот момент Шиллер, крепко держась руками за борт раковины, привстал на ноги, давая возможность натянуть на него брюки.

– Елена, попытайтесь понять меня. Я тоже не боюсь исчезновения пришедшего в негодность тела. Дело не в нём. Мне жаль построенного мною внутреннего мира. Ведь внешнего мира, как такового, не существует. Вернее, не существует его объективной картины. Существуют миллиарды разных миров, преломившихся в призме восприятия каждого отдельного человека, и каждый из этих миров уникален. Как нет двух одинаковых людей, так нет двух одинаковых миров, и все они как бы заключены в стеклянные шары...

Я случайно взглянула в закреплённое над раковиной зеркало, и наши отражения встретились глазами. Шиллер тряхнул седой, спутанной гривой и усмехнулся... как-то странно... не по-доброму.

– Что-то не так?

– Простите, но мне в голову пришла нехорошая шутка. Хотя по-своему забавная.

– Так озвучьте её. Лучше услышать, чем самой домысливать.

– Только не обижайтесь. У Вас глаза очень красивые. Вот я и подумал... раньше, когда был молодым и здоровым, сам раздевал красивых женщин... и не только глазами, а теперь они на меня штаны натягивают.

Пошутить так кто-то другой, наверняка испытала бы противную неловкость. Но Шиллер... скорее не я, а он смутился... и не на шутку.

– Господин Шиллер, спасибо за комплимент. В последнее время в моих глазах видят скорее усталость, чем красоту. Спасибо.

– Не обращайтесь внимания на злоязычников. Они просто завидуют. Да... так что я хотел сказать... Ах да, я размышлял о мирах. Знаете, эти шарообразные миры, типа детской рождественской игрушки. Потрясёшь, и посыплется снег, заиграет музыка и закружится в танце маленькая балерина – пережитые нами радости, печали, успехи, фантазии, сбывшиеся и не сбывшиеся надежды.

Увлёкшись, Шиллер, отцепил от раковины правую руку, пытаясь описать ею замкнутый круг. Едва действующие ноги подкосились, и вся тяжесть не чужого мира, но чужого тела легла на моё вовремя согнутое колено.

– Простите. Я вас не покалечил? Что будем делать?

– Попробуйте ещё раз подтянуться на раковине. Заменю свою ногу Вашим креслом.

Уже сидя в кресле, он поднял на меня растерянные глаза.

– Вот видите, разве можно сожалеть об этой развалине. Но я не верю ни в бессмертие души, ни в реинкарнацию, поэтому и грущу по исчезающему вместе со мной моему миру.

И секунду помолчав, добавил:

– Говорят, когда человек умирает, по нём звонит колокол. А я думаю, это со звоном рассыпаются по полу осколки его стеклянного шара.

Я бережно катила Шиллера по коридору, а перед глазами взлетали десятки волшебных шаров. Одни, спеша по своим делам, даже не замечали случайно оказавшихся у них на пути, другие, едва соприкоснувшись полированными боками, скользили дальше, а третьи сталкивались и начинали взаимодействовать. В каждом зажигались искры, звучала музыка и кружились балерины, только, преломлённые индивидуальным восприятием, они были совершенно разными. И никто не знал, что происходит в чужом шаре.

Шиллер прав, только в одном ошибся: бьются к смерти не стёкла, а зеркала, а значит вылиты шары не из простого стекла, а из зеркального. Сколько ни заглядывай в чужой мир, не увидишь ничего, кроме собственного отражения. Так разбился когда-то шар моего отца, одиноко умершего в районной больнице, а я так и не успела рассмотреть в нём ничего, кроме своего обиженного лица.

Но пора возвращаться к Королеве, столь неожиданно заинтересовавшей налогового инспектора. Она, не взглянув ни на госпожу Мопс, ни на ломтики сального картофеля, не спеша покинула поле боя и величественно поплыла навстречу Поэту. А Хильда, окинув растерявшихся вассалов самодовольным взглядом, изобразила на лице праздник победы над сбежавшим врагом.

Не дождавшись конца застолья, победительница запросилась в туалет. Сегодня мне не хотелось оставаться с ней наедине и выслушивать хвастливые речи о методах воспитания отстающих. Но... Вопреки ожиданиям, круглые, чёрные глаза Хильды источали вселенскую скорбь.

– Что-то не так?

– Милая, в этой жизни всё и всегда «не так». Она развивается по кругу, ни разу не изменив намеченного сценария.

– Что случилось?

– То, что всегда. Почему эти глупые, не приспособленные к жизни пустышки всегда выигрывают?

Хильда, опираясь руками на металлический поручень, с усилием вытащила тяжёлое тело из инвалидной коляски и, совершив немислимый разворот правым бедром, опустилась на унитаз.

– Вы спрашивали, почему так и не вышла замуж. Дело не во внешности. Это сейчас в моде длинноногие, шваброобразные фотомодели, а в моё время мужчин привлекали крепкие округлости, символизирующие плодородие и материнство. И по тем временам я была не так уж дурна.

– Так в чём же дело?

Хильда на секунду задумалась, брезгливо взглянула на отражённое в зеркале лицо женщины, когда-то символизировавшей плодородие и материнство, и, махнув рукой, заговорила.

– До войны нас, молодёжь, регулярно отправляли на работу в деревню. Большими отрядами, человек по двадцать. Прополка, сбор урожая, сенокос... работа не утомительная, зато потом, до позднего вечера, танцы, игры, гулянки, романы. Домой почти все возвращались парами, а я всегда одна.

– Неужели никто не нравился.

– Подождите секунду. Помогите подняться. В такой позиции неловко рассуждать о любви.

Протянув руку, я поблагодарила бога за то, что он наградил Хильду любовью к спорту. Её тело, вопреки всем болезням и разрушениям, умудрилось сохранить упрямую силу. Слегка опираясь на мою руку, она совершила мощный рывок корпусом и, уцепившись за раковину, встала на ноги. Посадка в кресло уже не представляла труда.

– Вы спрашивали, нравились ли мне молодые люди. Конечно. Всегда привлекали видные и яркие, да и они бывали равнодушны к моим «символам». Начинали ухаживать, а я... Знаете сагу о Нибелунгах... Главная героиня, Брунхильда... Сильная, мужественная воительница решила выйти замуж за того, кто её в бою победит. Дралась она в полную силу, а силы в ней было немерено. Отец назвал меня в её честь. Хильда это сокращение от Брунхильды.

Госпожа Мопс, ссутулившись в кресле, теребила край небрежно наброшенной на плечи шерстяной кофты.

– Короче, как только юноша начал за мной ухаживать, превращалась в Брунхильду: победы, одолей, докажи, что достоин. Они поначалу старались, думали в поддавки сыграю, а я уже в раж входила: и работала лучше всех, и в спорте всегда первые места занимала, да и вообще, всегда и во всём самая лучшая. Тщеславная была. Игра в «а ну ка догони» им быстро надоедала. Рано или поздно появлялась этакая пустышка, умевшая лишь хлопать волоокими глазками, да томно вздыхать. К таким -то они всегда и уходили.

– И после войны ничего не изменилось?

– Такой же дурочкой осталась. Даже ещё хуже. Мы женщины эту войну в тылу на своих плечах вытянули. И зажигательные бомбы тушили, и развалины разгребали, и людей из-под обломков домов выволакивали... А тут прилепился ко мне один «герой». Всю войну в канцелярии просидел. Так с актами подмышкой в американский плен и загремел. Правда выгнали его через пару недель за ненадобность. Он вселился ко мне в комнату и давай командовать. Тут я ему и показала, кто герой, а кто бухгалтер. Думала поймёт и зауважает, а он сбежал к одной из таких, что глазками хлопают. Даже забеременеть не успела.

– А больше шансов не было?

– А я их больше и не искала. Ездила в отпуска. То в Турцию, то в Тунис, то ещё куда-нибудь, где мужчины европейских женщин любят. Ребёнка хотела родить. Да так ничего и не вышло. Видать тяжестей слишком много таскала...

– Ну а Шиллер то тут причём? Неужели интерес имели?

– Да нет. Просто по привычке опять в Брунхильду сыграла. То на тренировке памяти вызов бросаю, то кроссворды решаю быстрее, то на гимнастике для «колясочников» стараюсь

из последних сил, хотя мне от него ничего и не нужно было. Только зачем ему эта убогая понадобилась? А обозлилась на дурака, потому что о прошлом напомнил.

Я обняла Хильду за плечи:

– А знаете, я на него на днях за то же самое обозлилась. Напомнил о том, о чём и думать не следовало. Два дня расстраивалась.

Хильда рассмеялась и хитренько подмигнула.

– А он, видать, вроде плохой погоды. От неё тоже старые раны саднить начинает. Тяжёлый человек.

Раз шутит, значит всё обошлось. Можно расслабиться и поддержать тусклое веселье:

– Говорят не бывает плохой погоды, бывает плохая одежда. Придётся в его присутствии утепляться.

Госпожа Мопс сбросила мои руки со своих плеч:

– Всё. Беги. Я тебя своими жалобами и так из графика выбила.

Уже на пороге меня догнал её очередной полезный совет:

– Приближаясь к Шиллеру не забывай надевать тёплые штаны.

Я бегу по коридору, чтобы опять раствориться в немощи и капризах требующих внимания стариков, а перед внутренним взором мелькают зеркальные миры господина Шиллера. Неужели его мир обладает такой убойной силой, что столкновение с ним у всех поднимает со дна полусгнившие обломки давно затонувших воспоминаний?

В последующие дни я с любопытством наблюдала за столиком у окна. Королева, элегантно орудуя столовым прибором, не докучала поэту досужей болтовнёй. Молчала не от тонкого понимания мужской натуры, а от бедности словарного запаса, унесённого потоками ликёров с шампанским. Она внимательно вслушивалась в рассуждения Поэта, в нужный момент удивлённо вскидывала брови, дарила улыбку согласия, вздыхала и кивала головой, но главное – не перебивала, не поучала, не упрекала и не навязывала своих взглядов. Ну разве это не чудо? Разве не о такой женщине мечтают мужчины всего мира? А вы говорите старческий маразм! Женщина, лишённая не только злопамятности, но и злоязычия! Одним словом, за столиком у окна царила гармония и, трепеща полупрозрачными крылышками, порхал шаловливый Купидон.

Извечная правда жизни: чем лучше чувствуют себя двое, тем сильнее буря, бушующая в душе третьего, оказавшегося лишним. Сегодня буря опять бушевала в душе Брунхильды.

– Почему жизнь всегда поворачивается ко мне задним фасадом? В чём я перед ней согрешила? Вот видите, сегодня даже встать не могу. Совсем ноги отказали. Как будете меня на унитаз перетаскивать?

– Перетаскивать не буду. Подъёмник привезу.

Пристегнув Хильду мягкими ремнями к подъёмному устройству, я нажала на кнопку пульта электронного управления. Обезноженная женщина, ловко уцепившись руками за поручни, плавно поплыла вверх. Уже сидя на унитазе, она продолжала свои жалобы:

– Столько лет прожила, а мужскую философию так и не постигла. Зачем им примитивные женщины? Ведь с ними от скуки помереть можно.

– А вот ваш любимый философ Фридрих Ницше совсем иначе писал. Считал, путь мужчины лежит через самосовершенствование к «сверхчеловеку», а женщина всего лишь отдохновение воина, тихая гавань, куда он возвращается из походов. Разве на так?

– Знаете милая, философий много, а я одна, и разорваться между ними не могу. Мне роль тихой гавани слишком тесна. Предпочитаю быть путеводной звездой или музой, ведущей мужчину к совершенству. И потом... Вы говорите сверхчеловек... Мне тогда, в молодости, просто человека бы хватило. На «сверх» я никогда и не претендовала. Ладно, подавайте подъёмный кран. Я готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.